

Человек в информационном обществе

НОВАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ И НЕ-ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Статья рекомендована к публикации членом редакционного совета И. Ю. Алексеевой 26.08.2024.

Николаева Евгения Михайловна

Доктор философских наук, профессор

Казанский (Приволжский) федеральный университет, кафедра общей философии, профессор

Казань, Российская Федерация

kaisa1011@rambler.ru

Камалеева Айсылу Мударисовна

Кандидат философских наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет, кафедра общей философии, старший преподаватель

Казань, Российская Федерация

alslkazan@mail.ru

Николаев Михаил Сергеевич

Кандидат философских наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет, кафедра общей и этнической социологии, старший преподаватель

Казань, Российская Федерация

nh3ch4@yandex.ru

Аннотация

Постоянно усложняющаяся структура современного мира неразрывно связана со стремительным прогрессом науки и техники. Цифровая революция влияет не только на материальную составляющую нашей жизни, но и на наше понимание реальности. Изменение этого понимания произошло в русле осознания того факта, что сегодня отношения человека с миром и с другими людьми находятся почти в полной зависимости от материальных искусственных посредников. Все, созданное в лаборатории, рано или поздно покидает ее стены, населяя тем самым планету разного рода гибридами, которые объединяют в себе разнородные человеческие и не-человеческие объекты. В статье представлено переосмысление одной из ключевых категорий классической гносеологии, - субъектности, авторы проводят экспозицию ее новой формы, обладающей такими атрибутами, как гибридность и распределенность.

Ключевые слова

субъектность; гибридный субъект; распределенная субъектность; сеть; акторно-сетевая теория; цифровая среда

Введение

Актуальность темы данной работы обусловлена двумя факторами – онтологическим и эпистемологическим. Под онтологическим фактором нами подразумевается специфика устройства современного мира, главной характеристикой которого является взаимная интеграция естественного и искусственного. Условием для подобного сращивания стало стремительное развитие науки и техники, что позволило вещам, как пишет об этом британский исследователь Э. Пикеринг, отойти от сухого и бессловесного языка практики и наконец по-настоящему «высказаться», превратив развитие современной культуры в «бесконечно открытый процесс моделирования» [1, с.418].

© Николаева Е. М., Камалеева А. М., Николаев М. С., 2025

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «С указанием авторства – С сохранением условий» версии 4.0 Международная, размещенной по адресу:

<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2025_02_41

В результате такого рода активности структура мироздания значительно усложнилась: планета заселилась не только человеческими, но и множеством нечеловеческих объектов, круг которых широк и разнообразен. «Киборги, гибриды, мозаики, химеры» [2, с.210], – все они, по мнению американского исследователя Д. Харауэй, глубоко внедрились в нашу жизнь и распатали границы между человеком, животным и машиной. «Непрерывно действующие вещи» перестали быть просто представлениями «бесплотного интеллекта», а обрели конкретную «материальную силу», направленную на нас как на «телесные существа» [1, с.6].

Второй фактор – эпистемологический, маркирует собой исследовательские сложности, вытекающие из специфики современного мироустройства. Отказ от изучения вездесущих и глобальных изменений сегодня, по нашему мнению, принципиально невозможен. Причиной тому служит не столько футуристическая опасность потенциального порабощения человека техникой, сколько угроза потери им понимания самого себя вследствие все более размывающегося представления о субъекте, потерянного среди множества узлов глобальной коммуникационной системы. Человек все чаще полагается на «посредничество» машин, устройств и программ [3, с.50] в решении своих жизненных проблем и задач, в результате чего его интеллект сам приобретает свойства «гибрида» человеческого, природного и технологического.

В конечном счете исследователь сегодня оказывается в сложном положении: с одной стороны, он должен изучать мир, а с другой, он становится абсолютно беспомощным перед сложностью и неопределенностью объекта и субъекта познания. Возникает необходимость не только переосмыслить представления классической гносеологии о субъект-объектных отношениях, но и заново проблематизировать и провести концептуализацию понятия «субъектность» применительно к современным реалиям.

Теоретико-методологическое основание нашей работы составляют концепты объектно-ориентированной онтологии и акторно-сетевой теории [4; 5; 6]. В их рамках отвергается идея существования онтологического субъекта, так как его наличие выстраивает иерархию, характерную для классической онтологии. В этой связи встает вопрос о том, что следует понимать под субъектом. Б. Латур утверждает, что мы не можем говорить «о свойствах действующих сил до начала их взаимодействия» [5, с.220], сама оппозиция субъект-объект является лишь результатом испытания сил между разнородными неопределенными сущностями.

1 Классическая и новая субъектность

Современная реальность, представляется как текучая «жидкость», в которой растворены человеческие и не-человеческие акторы-сети. В данной части нами предпринята попытка определения специфики новой субъектности в сравнении с классической субъектностью, а также описания когнитивного процесса через призму введенного нами концепта «распределенной субъектности».

Для определения отличительных черт новой субъектности нам необходимо, учитывая все вышеизложенное, во-первых, удостовериться в наличии в современном мире субъекта, как того, кто обладает субъектностью, во-вторых, произвести сравнительный анализ классической субъектности и новой субъектности. Следуя классическому представлению о субъекте познания как о, в первую очередь, человеке, попробуем ответить на вопрос «Обладает ли современный человек безусловной способностью к самостоятельному действию?». Вероятно, каждый мог бы с уверенностью заявить, что он способен действовать самостоятельно, если речь не идет о детях, стариках или людях с ограниченными возможностями, хотя и в этих случаях мы не можем быть уверены в обратном. Однако наша субъектность является намного более сложной материей и не всегда нам удается оставаться субъектом как таковым.

В 2020 году весь мир охватила пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19. Она ярко показала, как быстро люди могут быть лишены возможности перемещаться, покупать продукты, заботиться о своем здоровье, иными словами, быть ограничены в своей способности действовать. Смартфон оказался не просто внешним мозгом для хранения информации, не просто навигатором, калькулятором или средством связи с другими людьми, он стал тем, что давало человеку саму возможность выступать в качестве члена социума. Наличие или отсутствие вещи определяло наличие или отсутствие атрибута субъектности у человека.

Бесспорно, описанная ситуация не является повсеместно распространённой, но, как нам кажется, ярко иллюстрирует зависимость человека от вещей, которые его окружают. Таким образом, получается, что человек не всегда может самостоятельно примерить на себя роль субъекта и, порой,

для обретения субъектности ему необходима «помощь» вещей. Конечно, вещи, вне зависимости от того, природная это вещь или созданная человеком, способны как усложнить, так и облегчить жизнь человека, сопротивляясь ему или становясь его союзником. Однако до сих пор вещи практически не влияли на то, является человек субъектом или нет, очевидно, что сегодня, как нам показывает наш пример, мы имеем дело с принципиально иным типом взаимоотношений человека и вещей, когда вторые выступают равноправными акторами.

Второй задачей, которую мы поставили перед собой, является проведение сравнительного анализа классической субъектности и новой субъектности. И здесь стоит уточнить, что субъектность, безусловно, тесно связана с тем, как на разных этапах развития человеческой мысли понимался сам субъект. Содержание категории менялось, дополнялось и переосмысливалось на протяжении веков. В классической традиции для того, чтобы субъект был самим собой, ему необходимо иметь такое качество как субъектность. Классический субъект самодостаточен, имеет достаточно четкие, определяемые границы и сталкиваясь с субъектом в процессе своего познания, мы безошибочно можем определить его, поскольку он всегда стремится к выстраиванию иерархии. Он, будучи всегда тождественен человеку или группе людей, единолично владеет своей субъектностью.

Не углубляясь в детальный пересказ эволюции понятия субъекта со времен Р. Декарта, обозначим лишь, что классический субъект рассматривался всегда как источник деятельности, познавательной активности, противостоя в этом отношении пассивному, познаваемому объекту. Мир, в котором существует классический субъект, всегда иерархичен и место субъекта определено законами данного мира.

Переход от классического субъекта к новому современному субъекту отчетливо прослеживается в классификации типов рациональности, предложенной российским философом Степиным В. С. [7]. Им выделяются классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности. Очевидно, что каждому типу рациональности соответствует свой идеал познающего субъекта, который иллюстрирует изменения в методологии познания и места субъекта в процессе познания. Существенный сдвиг в самом понимании сущности субъекта происходит именно в период становления постнеклассического типа рациональности.

В рамках указанных типов рациональности отношения классического субъекта с вещами выстраиваются по следующим схемам:

1. Субъект и объект. Когда вещь выступает как то, на что направлен исследовательский интерес, познавательное воздействие субъекта. Она лишена «права голоса», подчинена субъекту, ее можно и необходимо «препарировать» для получения истины (пусть даже относительной).

2. Субъект и инструмент. Когда вещь (инструмент) используется субъектом для получения знаний об окружающей его действительности. В этой своей роли вещь может лишь иногда «возражать» субъекту когнитивного действия, однако находится под его контролем. Вещь – помощник, на которого можно переложить часть своей работы, заставить трудиться на свое благо, но при этом не возвышая до уровня равноправного партнера.

Субъект, соответствующий постнеклассическому типу рациональности, развивается в эпоху перехода к четвертой промышленной революции в обществе текучей современности. Отечественный исследователь Билалов М.И. утверждает, что в это время происходит «завершение эпохи Личности», имея в виду конец времени, когда «индивид, овладевая законами природы, осознавал себя субъектом своей жизнедеятельности». Появляется «квазисубъект, точнее, агент», который, в отличие от субъекта-личности, «продолжая быть носителем интеллекта, не обладает самостью...» [8, с. 109–110].

В этом отношении можно сказать, что в классической и неклассической науке мы имеем дело с классической субъектностью, как с эго-центрированной самостью. Субъект, которому присуща подобная субъектность, достаточно четко определен в своих границах и с точки зрения предсказуемости выступает перед исследователями как простая система, поскольку результаты деятельности данного актора возможно спрогнозировать, даже если речь идет о вероятностном прогнозе в случае с неклассическим типом рациональности.

В цифровую эпоху нам приходится вступать в отношения с вещами, однако при описании данных отношений, применение к ним схем «субъект и объект», «субъект и инструмент» показывает свою неэффективность, поскольку указанные схемы не могут в полной мере отразить суть происходящих процессов. Данная проблема обусловлена двумя основными причинами: во-первых, в современных реалиях затруднительно найти сам субъект когнитивного действия, во-

вторых, вещи приобрели новые свойства и стали выполнять новые роли, которые не вписываются в рамки понятий «объекта» и «инструмента».

Анализ познавательного процесса, характерного для классического понимания субъекта, может проводиться методом редукции, когда весь процесс можно изучить по его элементам. Если провести аналогию исследовательского процесса с хирургической операцией, то ученый, положивший на стол процесс познания, мог бы в исследовательских целях «отрезать» и «достать» из него, как минимум, субъект, объект и методы/инструменты познания, которые бы даже по отдельности могли бы дать представление о специфике изучаемого предмета. Однако дело обстоит совершенно иным образом, когда мы говорим о современном субъекте и на «операционный стол» ложится буквально тело без органов. В таком случае нам остается только указать пальцем на некую область сети и предположить, что там находится нечто, что можно было бы назвать субъектом, однако четко определить его границы будет затруднительно, а то и вовсе невозможно.

2 Гибридный субъект и распределенная субъектность в сетевом когнитивном пространстве

Перемещение человека и вещей на один уровень приравнивало их не только онтологически, но и дало вещи потенциальную возможность выступать субъектом. Теперь до испытания сил, до вступления во взаимодействие с сетью-актором мы не можем знать, что объект из себя представляет. Однако тут можно возразить, что так дела обстоят только в теории, что на практике мы все равно продолжаем наблюдать свободного, активного человека, познающего мир. Но обладает ли он при этом всей полнотой субъектности?

Выше мы приводили пример, связанный с пандемией COVID-19, которая отражает формирующуюся тенденцию изменения отношений людей и не-людей, драйвером которой, как нам кажется, является четвертая промышленная революция, в основании которой лежат новые информационные технологии.

Вещь для человека на протяжении истории выступала в роли объекта изучения и инструмента, облегчающего труд. Со временем были созданы вещи, способные автоматизировать и «взять на себя» некоторые когнитивные задачи человека (калькулятор, ЭВМ), а сегодня мы уже наблюдаем начало новой эры, эры искусственного интеллекта и нейронных сетей. Современный субъект не может быть просто отождествлен с человеком или группой людей, он представляет из себя гибрид человека и вещей. Это стало возможным из-за того, что человек вступил в когнитивные взаимодействия с вещью, создал сеть, по каналам которой он смог передать вещам свою собственную субъектность, дав право вещи действовать без контроля человека.

Таким образом, мы можем выдвинуть идею о том, что в современных реалиях нам приходится иметь дело не с целостным субъектом, представляющим из себя единичного актора, а с гибридным субъектом, состоящим из людей и не-людей, каждый из которых в сети отвечает за одну или несколько областей деятельности. Субъектность при этом не принадлежит одному актору сети, а распределена между акторами сети, то есть представляет собой свойство сети, которое циркулирует между ее элементами. Для обозначения описанной новой субъектности мы предлагаем ввести концепт «распределенной субъектности».

Категории субъект и субъектность в данной работе интересуют нас в контексте когнитивной деятельности. В данном отношении, опираясь на все вышеизложенное, перед нами встает вопрос о том, что из себя представляет когнитивный процесс через призму введенного нами концепта «распределенной субъектности».

Для сети «познать» приравнивается к «включить в сеть», поэтому любой когнитивный акт будет сопровождаться включением изучаемого объекта в сеть. Однако включение исследуемого объекта в сеть отношений не всегда означает то, что объект становится частью гибридного субъекта. В случае, если предмет изучения соответствует указанным критериям, то есть способен к самостоятельному действию и не нуждается во внешнем контроле, только в этом случае субъектность может быть распределена ему.

Поэтому в гибридном субъекте, где субъектность распределена между акторами, каждая точка сети, в каждое мгновение времени что-то «узнает», то есть получает информацию, о другой точке сети. Например, «Алиса» получает информацию о наших любимых местах для прогулок, Яндекс музыка – о предпочтениях в музыке, робот-пылесос строит карту квартиры, где мы живем, а мы узнаем, что оказывается фронтальная камера смартфона все это время изображала нас чуть красивее, чем мы есть в жизни, а ChatGPT пока не способен внятно ответить на вопрос «в чем смысл

жизни?»), однако хорошо находит информацию. Исследуемый объект становится частью гибридного субъекта и объект как таковой исчезает, нивелируется субъект-объектная дихотомия.

Мы определяем союз человека и ChatGPT как сеть, поскольку в данном случае между двумя акторами возникает канал, по которому они перемещают знания, при этом знания движутся как в одну, так и в другую сторону, так как новую информацию (знания о мире) получает не только человек, но и программа. ChatGPT не требует контроля в процессе формирования текста, однако человек не может полностью исключить себя из процесса его написания из-за несовершенств программы. Полное исключение человека означало бы, как нам кажется, возвращение к модели традиционного субъекта, когда субъектность вновь стала бы принадлежать одному актору, - искусственному интеллекту.

Развитие цифровых коммуникаций и технологий искусственного интеллекта, а также рост влияния цифровых платформ трансформируют субъектность не только в сфере образования, но затрагивают общественно-политическую сферу. Классическая субъектность, традиционно выступавшая одним из ключевых элементов структуры власти и социума, сегодня уступает место новой субъектности, имеющей распределенный характер, что в свою очередь ведет к существенным изменениям как в области высшего менеджмента, так и в повседневных практиках обывателей. В 2020 году ВЦИОМ провел исследование искусственной социальности, которая возникла благодаря развитию онлайн-культуры и технологиям искусственного интеллекта. «Искусственная социальность представляет собой эмпирический факт включения AI-агентов в социальные взаимодействия в качестве их активных посредников или участников» [9, с.44]. Результаты исследования показали, что искусственный интеллект становится автономным и интегрируется в повседневную жизнь и процессы принятия решений, а также меняет саму социальную среду.

Однако, как мы полагаем, еще до распространения и популяризации искусственного интеллекта попытка распределения субъектности была предпринята нашим государством при внедрении системы государственных услуг (Единый портал государственных и муниципальных услуг). Введение системы ЕПГУ позволило «продублировать» государственные структуры в электронном виде в федеральной государственной информационной системе, давая возможность гражданам не вступать напрямую в контакт с чиновниками, представляющими государство. Таким образом государство передало часть своей субъектности portalу, сайту, который наряду с ним стал посредником/дублером в коммуникации с гражданами, соответственно можно говорить о гибридизации субъекта власти.

Повсеместная цифровизация государства, по мнению российских политологов С. В. Володенкова и С. Н. Федорченко, «закладывает условия для формирования новой алгоритмизированной социотехнической реальности и эволюции классических субъект-объектных отношений в сторону маскировки субъекта власти за многочисленными посредниками между ним и обществом в виде цифровых корпораций, виртуальных чиновников, цифровых сервисных платформ» [10, с. 51]. Данная тенденция ведет к образованию нового типа государства, который будучи гибридным субъектом, утратив свою «человечность» (в том смысле, что граждане все меньше и меньше взаимодействуют с другими людьми, представляющими государство), воспринимается обществом как «пустой центр» или предстает перед народом в форме древнеримского пустого трона. Государство, распределяя субъектность, размывает свои границы, что приводит к рождению образа анонимной власти, операции которой не до конца прояснены и скрыты от наблюдателя.

Заключение

Таким образом, субъектность в цифровую эпоху является результатом испытания сил объектов и выражает способность объектов действовать автономно. Специфика новой субъектности обусловлена контекстом, в котором она сформировалась и существует. Сегодня мы наблюдаем процесс тотальной глобализации, которая выражается в разрушении привычной иерархии мира людей и мира вещей и приводит к их постепенному слиянию. Результатом данной интеграции является рождение сложных и непредсказуемых гибридных акторов-сетей без определенной иерархии и направления движения. Некогда автономные физическая, биологическая и цифровая среды срачиваются, что создает новое пространство существования, в котором могут функционировать и взаимодействовать не только люди, но и сложные самообучающиеся объекты не-человеческой природы. Современный субъект представляет собой сеть, состоящую из людей и не-людей, и выступает в качестве носителя новой субъектности. Этот гибридный субъект является

результатом слияния ранее автономных сред, таких как физическая, цифровая и биологическая, что размывает пространственные границы существования субъектности. Данное обстоятельство приводит к тому, что субъектность приобретает распределенный характер.

Благодарности

Публикация выполнена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодежи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания.

Литература

1. Pickering A. Concepts and the mangle of practice: constructing quaternions // *South Atlantic Quarterly*. 1995. Vol. 94. Is. 2. P. 417-465.
2. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // *Гендерная теория и искусство. Антология: 1970-2000*. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322-377.
3. Митчелл У. Я плюс плюс: Человек, город, сети. М.: Strelka Press, 2012. 328 с.
4. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2006. 210 с.
5. Латур Б. Пастер. Война и мир микробов, с приложением «Не-сводимого». СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. 315 с.
6. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // *Логос*. 2017. Т. 27. № 3. С. 35-56.
7. Степин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // *Сложность. Разум. Постнеклассика*. 2013. № 4. С. 45-59.
8. Биалов М.И. Статус субъекта в познавательной культуре эпохи информационных технологий // *Вестник Дагестанского гос. ун-та. Серия 3: Общественные науки*. 2021. № 4. С. 107-111.
9. От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики. М.: ВЦИОМ, 2020. 256 с.
10. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Особенности феномена субъектности в условиях современных технологических трансформаций. // *Полис. Политические исследования*. 2022. № 5. С. 40-55.

A NEW SUBJECTNESS IN THE NETWORK SPACE OF HUMAN AND NON-HUMAN OBJECTS

Nikolaeva, Evgeniya Mikhaylovna

*Doctor of philosophy, professor,
Kazan Federal State University, Department of general philosophy, professor
Kazan, Russian Federation
kaisa1011@rambler.ru*

Kamaleeva, Aisylu Mudarisovna

*Candidate of philosophy
Kazan Federal State University, Department of general philosophy, senior lecturer
Kazan, Russian Federation
alslkazan@mail.ru*

Nikolaev, Mikhail Sergeevich

*Candidate of philosophy
Kazan Federal State University, Department of general and ethnic sociology, senior lecturer
Kazan, Russian Federation
nh3ch4@yandex.ru*

Abstract

The modern world with its ever-more complex structure is inextricably linked to the rapid progress of science and technology. The digital revolution is not only affecting our physical life, but also our understanding of reality. This change in understanding has come about through the realization that today, human relations with the world and with other people are almost completely dependent on material artificial intermediaries. Everything created in the laboratory eventually leaves its walls, filling the planet with various hybrids that combine disparate human and non-human objects. The article presents a reinterpretation of one of the key categories of classical epistemology, subjectness, the authors expose its new form, which has such attributes as hybridity and distribution.

Keywords

subjectness; hybrid subject; distributed subjectivity; network; actor-network theory; digital environment

References

1. Pickering A. Concepts and the mangle of practice: constructing quaternions // South Atlantic Quarterly. 1995. Vol. 94. Is. 2. P. 417-465.
2. Xaraue`j D. Manifest kiborgov: nauka, texnologiya i socialisticheskij feminizm 1980-x gg. // Gendernaya teoriya i iskusstvo. Antologiya: 1970-2000. M.: ROSSPE`N, 2005. S. 322-377.
3. Mitchell U. Ya plyus plyus: Chelovek, gorod, seti. M.: Strelka Press, 2012. 328 s.
4. Latur B. Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoj antropologii. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta, 2006. 210 s.
5. Latur B. Paster. Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem «Ne-svodimogo». SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta, 2015. 315 s.
6. Delanda M. Novaya ontologiya dlya social'nyh nauk // Logos. 2017. T. 27. № 3. S. 35-56.
7. Stepin V.S. Tipy nauchnoj racional'nosti i sinergeticheskaya paradigma // Slozhnost'. Razum. Postneklassika. 2013. № 4. S. 45-59.
8. Bilalov M.I. Status sub"ekta v poznavatel'noj kul'ture epohi informacionnyh tekhnologij // Vestnik Dagestanskogo gos. un-ta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki. 2021. № 4. S. 107-111.
9. Ot iskusstvennogo intellekta k iskusstvennoj social'nosti: novye issledovatel'skie problemy sovremennoj social'noj analitiki. M.: VCIOM, 2020. 256 s.
10. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Osobennosti fenomena sub"ektnosti v usloviyah sovremennyh tekhnologicheskikh transformacij. // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2022. № 5. S. 40-55.